

Юнь Цинцин, скрежеща зубами от ярости, крепче прижала к груди кувшин для полива и, низко опустив голову, быстро припустила прочь. На душе у нее было муторно от злобы на этих корыстных девок, которые привыкли держать нос по ветру. Когда старшая сестра блистала во всей своей красе и величии, они всецело ей предавались, но как только она покинула этот мир, тут же переключились на Чу Вань и её дочь. Они без усталости сплетничают целыми днями, и их совершенно не страшит, что за это их могут наказать.

Её мысли метались, она стремилась убежать как можно дальше от этого сборища тварей, и ноги сами понесли её в безлюдный, заброшенный уголок подворья.

Фэй Цзинь, держась поодаль, следовал за ней по пятам. Вдруг он заметил, что шаги Юнь Цинцин разом затихли — зная, из-за деревьев перед ней соткался чей-то силуэт.

— Цин-эр, что это ты творишь? — Раздался глуховатый мужской голос. Был то не кто иной, как Ван Чаоши, отец усопшей Чу Цзы, чей голос им уже довелось слышать в главном зале ордена.

Неизвестно, многие ли в Саньфэньу уважали этого супруга главы, однако Юнь Цинцин дерзить Ван Чаоши явно не смела. Пусть она и вздрогнула от неожиданности, но, совладав с испугом, поспешила чинно склониться в поклоне:

— Приветствую учителя-отца.

Это «учитель-отец» пришлось мужу куда больше по душе, нежели всякое сухое «почтенный Ван». Лицо Ван Чаоши озарилось благодостной улыбкой, он благосклонно кивнул и следом спросил:

— Что это у тебя в руках?

Юнь Цинцин тихонько поведала о своей нужде, не удержав в голосе обиды. Пусть Чу Цзы и почил, а Дворик Хуанциюань опустела, дева все так же усердно радела о тамошних цветниках — вот и теперь она лишь недавно управилась с поливом.

— Учитель-отец, а ведь старшие сестры совсем страх потеряли, — на нападки в свой адрес она давно махнула рукой, но когда дело касалось Чу Цзы, Юнь Цинцин терпеть не могла.

Ван Чаоши помрачнел лицом и, глухо пробормотав «пустомели», принялся ласково утешать деву:

— Не обращай на них внимания, ты все делаешь правильно. Дворик Хуанциюань всегда была под твоим присмотром во всем порядке. — Но, сведя речь к этому, он вдруг разом переменялся в лице и ледяным тоном выдохнул: — Но скажи мне: с чего вдруг ты лишила жизни мою Светлую Луну?!

Юнь Цинцин, похоже, аж обомлела и выпалила:

— Учитель-отец, подумайте сами! Как я могла убить старшую сестру?!

Фэй Цзинь, скрытый в тени, не мог видеть этого, но лицо Ван Чаоши в тот момент исказилось такой дикой яростью да злобой, что стало чернее чернил. Он выглядел как суровый дух-хранитель, охранявший ворота крестьян, который призван отгонять всякую нечисть. Устремив взгляд на Юнь Цинцин, он медленно приближался к ней, четко выговаривая каждое слово:

— Ты думаешь, мне неизвестно? Неведомы твои грязные, срамные помыслы в адрес моей

Светлой Луны?! Дочь моя была невинна и чиста душой, не пожелав вступать с тобой в эту блудную связь. Кто же знал, что ты уродишься такой ехидной тварью: не сумев заполучить деву, удумала погубить ее!

Пока Фэй Цзинь силился взять в толк, что за «грязные, срамные помыслы» такие и в чем кроется суть «блудной связи», со стороны лужайки донесся короткий вскрик Юнь Цинцин:

— Откуда вам... Нет, я не... Ай!

Там, за деревьями, вовсю вспыхнула схватка.

Ван Чаоши никогда не обучался мастерству «Искусство цветочных кулаков и вышитых ног». Прежде он принадлежал к какому-то захудалому ордену мечников, и теперь в руках его хищно поблескивал узкий изогнутый клинок, который с резким свистом рассекал воздух. Боевым искусством он особо не выделялся, однако против Юнь Цинцин — девицы ранга «одного цветка», у которой не было ни капли таланта к рукопашному бою, он имел полное превосходство и зажимал ее со страшной силой.

Юнь Цинцин, видимо, и подумать не могла, что этот Ван примется размахивать железкой без лишних слов. Отбивалась она из рук вон плохо, без оглядки спасаясь бегством и без умолку крича, что пальцем Чу Цзы не трогала, моля о пощаде. Голос Ван Чаоши стал зловещим, и, растягивая слова, он мрачно произнёс:

— Мало того что ты уничтожила Светлую Луну, так еще и вещицы ее прибрала к рукам. Какая наглость! Выкладывай живо: куда девала то, что украла из ее покоев?

В траве послышался глухой стук — видимо, девице не хватило прыти и Ван Чаоши настиг ее.

Супруг главы, находясь вне поля зрения Чу Жун, сбросил с себя всякую личину покорности и робости. Его жестокость была очевидна: он небрежно поднёс лезвие к щеке Юнь Цинцин и медленно, с угрозой, провёл им по её нежной коже.

И пусть он еще не пустил кровь, это издевательство казалось куда страшнее, нежели снос головы одним махом.

— Красотой ты, конечно, не вышла, да только каждая дева лицом дорожит. Выкладывай, где спрятала добро, и тогда я позволю тебе уйти из этого мира без позора. Не то — оставлю на каждой твоей щеке по восемь глубоких полос, так что на том свете тебя никто не признает.

Юнь Цинцин, вероятно, никогда прежде не видела Ван Чаоши в таком образе, надолго затихла в траве, и лишь немного погодя голос ее зазвучал вновь, но как-то потерянно:

— Я действительно не убивала старшую сестру... Да как бы я могла... Я лишь вознамерилась взять безделицу на память, думала, беды не будет... Всего-то и взяла, что яшмовую подвеску...

Взор Ван Чаоши хищно вспыхнул. Схватив Юнь Цинцин за шиворот, он рывкнул:

— Куда ты ее дела?! Говори живо!

— Я...

Юнь Цинцин замялась. Похоже, эта вещь была ей очень дорога, и она никак не могла решиться. Но у Ван Чаоши терпения не осталось: он взмахнул изогнутым клинком, готовясь

исполосовать девичье лицо.

И как раз в этот миг со свистом прилетел топор, рассекая воздух.

Топор промелькнул у самого темени Ван Чаоши, начисто сббив прядь волос, и с грохотом вонзился глубоко в землю. Судя по тому, как глубоко лезвие ушло в грязь, лети этот гостинец на вершок ниже, и голова супруга главы уже совершала бы полет к небесам.

Глядишь, долетела бы до Дворика Хуанцзюань, чтобы узнать, чем там занята его благоверная Чу Жун.

А то и вовсе пролетела бы над главным залом, где лежало тело Чу Цзы, — вот было бы забавно встретить там несчастную дочь.

Ван Чаоши разом переменялся в лице. Он уже приготовился было выкрикнуть: «Кто здесь?!», как незванный заступник сам вальяжным шагом выкатился из чащи. И не просто вышел без всякого страха, а ещё и громко произнёс:

— Учитель мой говорил: по лицу бить нельзя! С чего вдруг ты обижаешь девицу, которая в бою слаба?

— Воин Фэй? — В глазах Юнь Цинцин при виде спасителя вспыхнул яркий луч, и она даже не обиделась на то, что ее назвали слабой в бою. Да только клинок Ван Чаоши все еще покоился у нее на шее, отчего шелохнуться она не смела.

К тому же...

— Хм, обращаться к стволу дерева — неужели хочешь сказать, что я никчёмный и ничему не научусь? Нынешняя молодёжь, видно, совсем забыла, что старших нужно уважать.

Разумеется, Фэй Цзинь вовсе не собирался читать нотации дубу.

Просто когда Ван Чаоши пустил в ход оружие, юноша по звуку смог прицельно метнуть свой верный топор ради спасения девы. Но стоило врагу замолкнуть, как посреди этого буйства ветвей да трав ослепший воин, ясное дело, не мог отличить мужа от дерева.

Теперь сцена, которая ещё мгновение назад внушала ужас, теперь выглядела малость потешно.

Услышав голоса Ван Чаоши и Юнь Цинцин, Фэй Цзинь со смущенным видом почесал затылок, повернулся всем телом к ним и со всей серьезностью изрек:

— Почтенный Ван, ты хоть боевым искусством и не вышел, да против девицы Юнь изрядно силен. Учитель учил, что это называется «обижать малых да слабых»¹, а то привычка не из благих. Может, со мной силами померяешься?

Сказав это, он со вздохом добавил:

— А ведь я так хотел сойтись в бою с воительницей Чу Жун. — В его глазах, пусть Саньфэнь и слыл великим орденом, достойными противниками ему могли стать лишь Чу Цзы да сама Чу

Жун. Жаль только, Чу Цзы безвременно почил, а Шунин рассказывала, будто глава ордена в последнее время занемогла.

Доблестный муж лежачего не бьет. Фэй Цзинь со всей серьезностью рассудил, что раз уж он взялся быть образцом среди «врагов всей Поднебесной», то мараить честь учителя ему никак не пристало.

Он говорил это от чистого сердца, но Ван Чаоши от этих слов чуть не задохнулся от злости. Мало того что этот юнец пришёл угрожать ему топором, так ещё и в лицо назвал его лёгкой добычей?! У всякого мужчины есть своя гордость!

...А потому Ван Чаоши отдернул изогнутый клинок и сухо обронил:

— Мне не известно было, что молодой воин Фэй питает слабость к подглядыванию. Да только эта ученица умыкнула вещицу моей усопшей дочери, поэтому я лишь припугнул ее малость, чтобы вернуть украденное, и убивать не собирался. Прошу почтенного не рассказывать за воротами ордена. — Сведя речь к этому, он развернулся и быстро зашагал прочь, одежды его красиво развевались по ветру — истинно благородный муж, и только.

Фэй Цзинь, услышав это, разом все понял: вот оно что, по звукам и впрямь выходило точь-в-точь как тот расписал.

— Это... девица Юнь, воровать тоже не дело, впредь так не поступай. — Обронив это, он крикнул вдогонку Ван Чаоши: — Почтенный Ван, может, мне подсобить вам в поисках той вещицы?

Спина Ван Чаоши явственно окаменела. Не оборачиваясь, он, скрежеща зубами, выплюнул:

— Незачем! Раз уж Цин-эр это так нравится, пускай забирает себе!

— А, ладно.

«Станный какой-то муж, — подумалось Фэй Цзиню. — Сперва из-за яшмы чуть было деву не убил, а мгновение спустя проявил такую щедрость. До чего же сложно понять этих людей, что живут у подножия гор. Чужие мысли и вправду не разгадаешь.

Молодой воин Фэй ощупью отыскал в грязи свой излюбленный «меч», с великой нежностью стряхнул с него комья земли и обратился к нему:

— Шэнли, мой Шэнли, я ведь лишь ради спасения души человеческой тебя метнул, ты уж не гневайся.

Юнь Цинцин, едва избежавшая смерти, лишь рот раскрыла. Она не знала, то ли ей глядеть на него как на дурачка, то ли сдержаться. Ну да ладно, как-никак — спаситель жизни, нужно и честь знать.

К слову сказать... Когда именно этот парень притаился в кустах, чтобы речи чужие слушать? Стойте-ка... Юнь Цинцин вдруг осенило, лицо ее вмиг сделалось блее полотна. Она поспешно вскочила на ноги и пригрозила Фэй Цзиню:

— Все, что ты недавно слышал — чтоб ни единого слова наружу! Иначе... э-э.

Она хотела сказать «тебе не поздоровится», но вовремя вспомнила, что с боевым мастерством

Фэй Цзиня у неё просто не хватит сил устроить ему что-то плохое, и чуть не прикусила язык. В конце концов она выдавила из себя: «Короче, держи язык за зубами, сам понимаешь!» — и тоже в спешке скрылась в противоположной стороне.

Фэй Цзинь, которого с малых лет приучали к вежливости, так и не понял сути происходящего. Ладно Ван Чаоши чудил, но отчего и девица Юнь ушла, даже «благодарствую» не обронив?

На душе у него сделалось муторно.

Невеселый воин Фэй, прижав к груди топор, двинулся в обратный путь. Да только когда он шел сюда, перед его ушами был топот шагов, которым он и следовал. Теперь же вокруг не было ни души, подворье раскинулось безбрежное, а видел он плохо — оттого и неудивительно, что юноша самым сиротливым образом заплутал посреди этого лабиринта из розовых кустов.

К блужданиям ему было не привыкать, но то ведь не гора Кунмин. Местные птицы, звери да деревья-братья ему знакомы не были, отчего Фэй Цзиню сделалось весьма одиноко.

А если на него наваливалось одиночество, он принимался петь горные припевки.

Юноша вырос среди свободных рек и гор, и песни у него получались... такими же свободными.

Из тех, от которых птицы стаями срываются с веток.

И верно — очень скоро Фэй Цзинь удостоился окрика: «Какой это бездельник среди бела дня тут волком воет?!» От этих слов юноша так и расцвел в улыбке и поспешил навстречу, чтобы со всей учтивостью разъяснить: во-первых, он не бездельник, а человек; во-вторых, он не волком воет, а поет горные припевки; в-третьих, ему до смерти нужно разузнать дорожку к гостевым покоем.

Дворовый слуга, видимо, бездельничал в кустах, неприязненно ткнул пальцем куда-то в сторону и буркнул под нос: «Уж не дурачок ли часом?»

— Вовсе нет, я мечник.

— Ну-ну.

Слуга указал Фэй Цзиню путь, который не привел его обратно в гостевой двор, а привел к месту, где собрались люди. Ветер доносил до него звонкий, медовый смех десятков девушек, сквозь который пробивался приглушенный, но мягкий голос какого-то мужчины.

К несчастью, голос этого мужчины показался ему очень знакомым.

Точь-в-точь как у Шао Цзюся, который недавно говорил, будто у него объявилось неотложное дело, и бросил их с Шуцин на произвол судьбы.

— Ах, господин Шао, до чего же вы негодник! Как можно девицам такое рассказывать!

— Хи-хи, девица Ин, чего стыдиться? Я тоже хочу, чтобы господин Шао оценил, как я благоухаю. А ну поди прочь, поди! Господин Шао, подойдите ко мне и ощутите, какой от меня исходит дух. Он восхитителен, не правда ли?

Шао Цзюся вовсе радовался жизни. Прильнув к девичьей шее, он сделал глубокий вдох и с безграничным распутным изяществом подмигнул деде:

— Немного простоват. А ну-ка, девушки, понюхайте меня самого — как я пахну? Достаточно ли тонко и пьяно, чтобы свести вас с ума?

— Ой! Да что это за дух такой? До чего же гадкий, тьфу!

Шао Цзюся картинно принялся к собственному рукаву и с напускным сокрушением произнес:

— Неужели и впрямь гадкий? А ведь эту редкость мне преподнесла одна небесная дева, вы уж, девицы, не наговаривайте на меня. — Он состроил такое лицо, будто до донца не верил их речам, и, выудив из-за пазухи мешочек с благовониями, приподнял его на ладони: — А ну-ка, понюхайтесь еще разок?

Из мешочка и впрямь пополз дух, коего и словом описать было трудно — до того он был причудлив. Девицы разом сморщили носики и поспешили отшагнуть от него подальше, а одна, что была остра на язык, и вовсе подняла его на смех:

— И эту дрянь вы зовете редкостью? Да у деревенских девок копеечные присыпки и те тоньше пахнут! Тоже мне, небесная дева! Верно говорю — обвела она вас вокруг пальца!

Ночной Демон при этих словах состроил самую несчастную мину, являя девам глубокую скорбь.

Между тем Фэй Цзинь, узрев, что Шао Цзюся, который недавно отлучился по «неотложному делу», всю развлекается среди миловидных учениц Саньфэнь, малость замаялся, не ведая, стоит ли к ним подходить.

По правде говоря, среди своего одиночества он был очень рад встрече с доблестным Сяо Хуном. Но учитель всегда говорил: если видишь мужчину и женщину, увлечённых друг другом, лучше не мешать. А уж если Сяо Хун стоит посреди целой толпы девушек, и все вместе смеются — тем более не стоит вмешиваться.

Пожалуй, нужно немного подождать. Пусть Сяо Хун наговорится, а когда соберётся уходить — вот тогда он к нему и подойдёт.

«Какая же гениальная идея!» — восхитился молодой воин Фэй, и его самодовольство было вполне заслуженным. Не теряя времени, он сел на землю, положил надёжный топор на колени, устремил взгляд в пространство перед собой и с полной отдачей начал... тренировать внутреннее дыхание.

Шао Цзюся, находившийся среди девушек, внезапно замер.

Стоит отметить, что когда Фэй Цзинь впервые заметил его, Ночной Демон, чьи глаза были гораздо зорче, чем у юноши, также увидел слепца. Сначала он удивился, куда исчезла Шуцин, а затем подумал: если Фэй Цзинь приблизится, неизвестно, удастся ли получить информацию, ради которой все это и затевалось. И вот этот парень вдруг сел, внезапно начал дышать и погрузился в глубокое созерцание!

Неужели это нормально — так смело действовать среди чужих людей и на глазах у всех?

Всем известно, что работа с внутренней энергией — это нечто совершенно иное, нежели кулачный бой на плацу. Если кто-то попытается отвлечь тебя в этот момент, можно легко тронуться рассудком или впасть в наваждение. Поэтому люди в Поднебесной никогда не

занимались этим, если не находились в своих домах или под присмотром надёжного друга.

Шао Цзюсяо даже не подозревал, что Фэй Цзинь вырос на горе Кунмин, где, кроме него и учителя, не было других людей. Поэтому у юноши с детства была привычка: где бы он ни оказался, он сразу же начинал тренировать дыхание. Ночной Демон воспринял это как знак безграничного доверия со стороны юноши, и его сердце наполнилось горячей кровью и благодарностью к такому прекрасному другу. Поняв, что он не может обмануть доверие такого красавца, он решительно направился к Фэй Цзиню.

Да только прозвание распутного мечника далось ему не за красивые глаза. Способность этого Шао созывать к себе дев, точно мух на мед, у иных вызывала лишь зависть. Стоило ему сделать шаг, как вся орава девиц пустилась вслед за ним, отчего вокруг него вмиг соткалось диковинное зрелище: густая толпа в лазоревых одеждах плавно катилась вперед, увлекая за собой единственное алое пятно.

Словно с небес, опускаются лепестки цветов, а уличные музыканты играют на свирелях да рожках — настоящая картина выезда знатного господина на свою свадьбу.

Фэй Цзинь, которого окружили со всех сторон, сгорал от любопытства, пытаясь понять, что происходит. Но его внутренняя энергия ещё не завершила полный оборот, поэтому он лишь внимательно слушал чужие слова, стараясь запомнить их, и продолжал свою работу.

И как раз в этот момент, пока они шли, запах из мешочка Ночного Демона, подхваченный встречным ветром, немного рассеялся вокруг. Одна из учениц вдруг широко раскрыла глаза, украдкой глубоко вдохнула, и на лице у неё отразилось сильное удивление вперемешку со страхом.

Она зыркнула по сторонам и едва слышно прошептала возле подруг:

— Девицы... а ведь мне сдаётся, будто дух, исходящий от господина Шао, нам очень хорошо знаком?

— С чего это вдруг? — Тут же вскинулась другая девица. — Кто из сестер в нашем ордене станет мारаться столь скверной притиркой? Разве что у нее вовсе ума... Ох! — Договорив до этого места, дева разом охнула, поспешно прикрыла рот ладонью и принялась с великой опаской переглядываться с остальными.

Шао Цзюсяо не подал виду, что понял их тайные замыслы. С самым простодушным выражением лица он спросил:

— О чём это вы? Неужели запах действительно такой неприятный? А я-то думал, что все красавицы от него без ума. Кстати, мне кажется, что в стенах Саньфэнью я уже чувствовал что-то подобное, но не помню, от какой именно госпожи исходил этот запах.

Стоило речам его прозвучать, как над лужайкой повисла глухая тишина.

Лишь немного погодя одна девица — с виду крохотная, ладная да пугливая — вскинула голову и прелепетала:

— Раз уж сестра ушла из жизни, грех не сказать. Господин Шао, аромат вашего мешочка действительно напоминает с тем курением, которым пользовалась наша покойная сестра.

Шао Цзюсяо невольно подумал: «Ещё бы не быть похожим!» Он же, опираясь на свой

многолетний опыт общения с красавицами, провёл полдня в лавке благовоний, сам смешивая разные компоненты, чтобы получить шарики с ароматом, хоть немного напоминающим нужный запах. И всё это только для того, чтобы незаметно разузнать хоть что-то!

Сколько мук на долю его носа выпало — терпеть эту вонь, да еще величать ее «небесной редкостью» перед этими девицами!

К счастью, старания не прошли впустую: план сработал. Лицо Шао Цзюся озарилось такой чарующей ухмылкой, от которой у дев подкосились ноги, и он неспешно изрек:

— Вот оно что! Получается, и воительнице Чу Цзы этот дух был по сердцу? То-то и оно, я ведь говорил — истинные красавицы толк в нем знают.

Ученицы переглянулись между собой, и на их лицах проступило явное несогласие с чем-то. Раз одна девушка решилась заговорить, остальные тоже не стали молчать: одна за другой они рассказали всё, что знали.

Как оказалось, то курение, что вечно дымилось в покоях Чу Цзы, вовсе не было ей мило. Его самолично придумал и приготовил ее отец, Ван Чаоши, который потом и преподнес его дочери. Чу Цзы всегда славилась великой почтительностью к родителям, отчего, пусть дух тот и впрямь хвалить было не за что, но раз уж отец без устали слал его во дворец — она безропотно жгла те шарики день за днем.

По чести сказать, дочь самой главы ордена, старшая ученица Саньфэньу, да к тому же признанная красавица, никогда не должна была страдать от нехватки дружбы. Да только из-за этого проклятого курения люди к ней подходить опасались, предпочитая держаться на почтительном расстоянии.

Сама Чу Цзы, видимо, тоже отлично понимала, что дух от нее исходит изрядно скверный, отчего в обычные дни бдительно следила, чтобы не приближаться к людям слишком близко. Девицы только вздыхали: какая замечательная была девушка, а родной отец довёл её до того, что она всегда оставалась одна и так и не нашла ни одной близкой подруги.

Впрочем, Чу Жун и Ван Чаоши от этого, видимо, были лишь рады. Требования у них в семье водились строгие: они спали и видели, чтобы Чу Цзы все двенадцать страж в сутках² помимо сна проводила за ковкой меча, и даже за обедом без умолку твердила про себя правила внутреннего дыхания.

— Откуда мужикам знать толк в девичьих притирках? Вкусом бог обделил, ладно бы еще чужой какой, а то ведь Ван Чаоши — родной отец старшей сестры, не то она бы его с этим курением прогнала! — Разведав истоки дивного запаха, девицы принялись с великим жаром честить чужие вкусы.

Тут та самая крохотная девица лукаво улыбнулась:

— На мой взгляд, старшая сестра и почтенный Ван жили в согласии, а вот к главе ордена она не проявляла и малой доли подобной теплоты. Однажды я стала свидетельницей того, как Ван Чаоши глубокой ночью, без единого звука, пробирался в покои своей дочери. Конечно, отец и дочь связаны кровным родством, но глухая полночь и уединение мужа и девы — и он даже не задумался о возможных последствиях!

— И впрямь? В обычные дни и не скажешь... Неужели в глазах у тебя помутилось?

Пока девушки увлечённо пересказывали непристойные истории, они совершенно забыли о Шао Цзюсяо и Фэй Цзине, продолжая шептаться друг с другом. В этот момент внутренний импульс Фэй Цзиня достиг кульминации, и он, вскочив на ноги, решил обратиться к Шао Цзюсяо. Однако Ночной Демон, заметив это, быстро приложил палец к губам, призывая к молчанию. Затем он схватил его за руку, и вдвоём они без лишнего шума покинули круг девиц.

Когда эта парочка вернулась в гостевой двор, несчастная Шуцин, которая давным-давно потеряла слепца из виду, все еще самым жалким образом кружила по всему Саньфэньу в бесплодных поисках.

Оставалось лишь надеяться, что глава ордена Чу Жун запомнит ее труды.

Как только мужчины уселись в покоях, Шао Цзюсяо, не дожидаясь расспросов Фэй Цзиня, подробно рассказал о своих приключениях после утренней трапезы. Затем он поинтересовался, почему Фэй Цзинь в одиночку бродил по окрестностям и почему тот решил практиковать дыхательные упражнения среди бела дня.

Фэй Цзинь вспомнил, что Юнь Цинцин категорически не хотела, чтобы кто-то узнал о её воровстве. Он немного поразмышлял и прямо сказал:

— Я встретил девушку Юнь и почтенного Вана, которые размахивали оружием. Посчитав это подозрительным, я решил преподать почтенному Вану урок.

Разумеется, про то, что «преподал» он посредством запускного топора, юноша умолчал.

Шао Цзюсяо был человеком исключительного ума, как же можно было ввести его в заблуждение такими поверхностными речами? Здесь явно что-то не так: Юнь Цинцин не отличалась боевым мастерством, к тому же она была ученицей ордена. Почему Ван Чаоши вдруг решил напасть на неё с мечом?

— Воин Фэй, не знаешь ли ты, из-за чего у них возникла ссора?

Тут Фэй Цзинь малость приуныл. Сяо Хун всем был хорош, да уж больно до расспросов падох. Раз уж люди спрашивают, не ответить было бы невежливо и неучтиво. Поэтому ему оставалось только промямлить:

— Девушка Юнь... взяла без спросу безделицу у воительницы Чу, а почтенный Ван велел вернуть добро. Но после почтенный Ван сам изрек, дескать, дарит ту безделицу девушке Юнь, значит, и беды нет.

«Уж после таких речей чести Юнь Цинцин ничто грозить не должно, — подумалось юноше. — Как-никак, Ван Чаоши сам решил подарить».

Получается, Юнь Цинцин стянула вещь у Чу Цзы, а Ван Чаоши силой выбивал долг?

И этот же Ван Чаоши год за годом без устали снабжал дочь вонючим курением, да еще глубокой ночью пробирался в ее покои?

Шао Цзюсяо ударил бамбуковым веером по столу, собрав воедино все сведения, которые они с Фэй Цзином добыли. Подозрения против Ван Чаоши теперь выглядели весьма весомыми, словно груз камня! Девушки могли думать, что мужчины в этом деле ничего не понимают, но с курением всё было не так: достаточно было иметь нос, чтобы почувствовать, как едкий дым режет глаза!

Да что там — даже Фэй Цзиню тот дух пришелся не по нраву!

Подобная подлость не может быть случайностью: очевидно, что это сделано с целью скрыть запах постороннего вещества, добавленного в благовония. Если Ван Чаоши отправлял эти шарики на протяжении многих лет, возможно, Чу Цзы умерла не от внезапной болезни, а от медленно действующего яда, который накапливался в её организме год за годом, пока в ту роковую ночь не проявил свою смертельную мощь.

Именно, именно так! Быстродействующий яд непременно оставил бы явственные следы на теле, а вот если травить человека по капле день за днем — немудрено, что Чу Цзы отошла в мир иной тихо, точно ко сну отошла.

Шао Цзюсяо чем дольше размышлял, тем более убеждался в своей правоте. Ван Чаоши наверняка помыслил, что после кончины дочери он без шума и пыли приберет к рукам остатки курения, выдав все за то, будто припасы просто вышли. Но, как не повезло, шкатулку с этой дрянью прибрала к рукам Юнь Цинцин... Пойдите-ка, а зачем этой девушке столь вонючие благовония?

— Воин Фэй, а почтенный Ван не упоминал, что именно взяла девица Юнь?

— Говорил, будто яшмовую подвеску.

Подвеска? С чего вдруг подвеска? А, впрочем... такое вполне могло быть. Безделицы из яшмы обычно покоятся в нарядных ларцах, а раз уж Чу Цзы дорожила отцовскими гостинцами, немудрено, что она хранила их в одной шкатулке с дорогими украшениями.

В том ларце, где лежала яшма, непременно отыщутся и следы отравы, не то с чего бы этому Вану кидаться на Юнь Цинцин с ножом? Стоит лишь заполучить ту шкатулку из рук девицы — и вина Ван Чаоши будет доказана перед всей поднебесной.

Одно лишь оставалось неясным: с чего вдруг Ван Чаоши решил убить Чу Цзы?

Какая выгода мужу — лишать жизни собственную, единственную дочь?

Прежде Шао Цзюсяо помышлял, не чужая ли кровь течет в жилах Чу Цзы, да только лицо девицы точь-в-точь походило на отца. Была ли она дочерью Чу Жун — дело темное, но то, что она плоть от плоти Ван Чаоши — сомневаться не приходилось. Сказать, будто Чу Цзы угрожала его положению в ордене — так у Вана того положения никогда не водилось, напротив: пока дочь была жива да в силе, он и сам мог козырем ходить.

Если выгоды здесь не находилось, оставалось только подумать в обратную сторону: быть может, пока Чу Цзы была жива, она самой своей жизнью несла угрозу для Ван Чаоши?

— Сяо Хун, ты чего это? — Фэй Цзинь, узрев, что Шао Цзюсяо бубнит что-то под нос с самым отрешенным видом, точно в него злой дух вселился, не удержался от заботливого вопроса.

Шао Цзюсяо внезапно прервал свои размышления, встряхнул головой и решил: «Не стоит об этом беспокоиться, сначала нужно получить ларец, и тогда все станет ясно». К слову, удивительно, как легко Фэй Цзинь смог найти эту тайну, просто блуждая наугад.

А потому Ночной Демон лишь ласково улыбнулся и сказал:

— Ничего со мной не приключилось. Кажется, теперь я знаю, кто настоящий убийца.

— О! И кто же он? — Фэй Цзинь тоже изрядно обрадовался. Если они быстро найдут того, кто убил Чу Цзы, он сможет без тревоги продолжить свой путь к великой цели — стать «врагом всей Поднебесной». Возможно, после поимки преступника глава Чу Жун сама решится сразиться с ним в открытом бою.

И юноша принялся с великим нетерпением сверлить Шао Цзюся взглядом. В его глазах это алое пятно с каждым мигом казалось все краше да милее. Однако Шао Цзюся торопиться не думал: он неспешно запустил руку за пазуху, выудил оттуда некую безделицу и с улыбкой произнес:

— Не спеши, воин Фэй. У меня тут для тебя гостинец припасен.

В Цзянху давно ходили слухи, что Ночной Демон Шао Цзюся происходит из некоего тайного учения из Запредельных Земель, которое было уничтожено вместе с его предводителями два десятка лет назад по приказу правителей Поднебесной. Вместе с учением исчезли и несметные сокровища, накопленные за века.

Эти слухи возникли из-за того, что Шао Цзюся, наведываясь по ночам к местным красавицам, щедро одаривал их драгоценностями. Он доставал из широких рукавов множество редких и изысканных украшений, которые было трудно найти в Поднебесной. Однако все эти сокровища были женскими: кольца, серьги и другие украшения, поэтому они не представляли интереса для воров.

Если находились отчаянные люди, чья душа была охвачена тьмой, они могли собраться в большую толпу, но даже всем вместе им не хватало сил противостоять распутному мечнику. В итоге этим врагам приходилось, словно побитым собакам, убираться прочь с пустыми руками.

Именно поэтому род Шао Цзюся казался окутанным еще большей тайной. И сколько бы мужчин в Поднебесной ни завидовали ему, столько же женщин пылали к нему нежной любовью. Хотя, возможно, находились и такие мужчины, которые питали к нему нежные чувства, и такие женщины, которые завидовали ему — ведь жизнь в Поднебесной издавна славилась своей непредсказуемостью.

Да только в этот момент Шао Цзюся вознамерился преподнести Фэй Цзиню безделицу, хотя слепящим блеском драгоценных камней отнюдь не отличалась — по меньшей мере, с виду.

В ларце лакового червонного цвета, на бархатной подложке чернее ночи, смиренно покоилась некая жемчужина.

Этот круглый камень величиной был с добрую половину куриного яйца. Жемчужина являла собой совершенный круг, была прозрачна, точно слеза, без единого изъяна или сторонней красы. Ну и, само собой, никакого хрустального сияния от нее не исходило. С виду — самая обыкновенная стекляшка, разве что стекло вышло редкостной чистоты да сам ком был изрядно велик, но до запредельного сокровища ей было как до луны.

Находишься здесь иной человек, он бы непременно поднял такую безделицу на смех, мол, грош ей цена в базарный день. Однако Фэй Цзинь ни о чём таком и не подумал. Впервые в жизни принимая от кого-то гостинец, юноша исполнился великого ликования. Он со всей бережностью принял чистую жемчужину в ладони и, всматриваясь в нее, со всей искренностью восхитился:

— Какая красивая! Сяо Хун, у тебя такая светлая душа.

Шао Цзюсяо лукаво улыбнулся и ласково изрек:

— Нравится — уже хорошо. Но этот кристалл Яньцзин делали не для красоты.

— Кристалл Яньцзин? — Переспросил юноша. — Странное имя. — Этот крупный шар на глаз вроде бы и не похож был.

Ночной Демон, заметив, что молодой воин склонил голову набок и придвинулся к жемчужине в желании лучше ее разглядеть, сам поднялся с места. Перегнувшись через круглый стол, который стоял между ними, он аккуратно взял голову Фэй Цзиня в ладони, поднял ее и приблизил кристалл Яньцзин к глазам юноши. Затем он сам наклонился так, чтобы его лицо оказалось совсем близко к камню.

— Ого! — Фэй Цзинь вдруг ясно увидел сквозь толщу жемчужины чье-то лицо. От неожиданности он вскрикнул и чуть не подскочил со скамьи, путаясь в словах: — Сяо Хун-Хун-Хун! Там внутри оборотень сидит!

— Неужели это те самые духи-лисы и цветочные феи, о которых рассказывал учитель? Да не может быть... В тех историях все лисы и феи были женского пола, а в жемчужине — облик мужчины. Причём мужчины, которого я уже где-то видел... Ну да, и бровь одна самую малость короче другой... Эге? Сяо Хун, а ведь этот оборотень обличьем точь-в-точь на тебя походит!

Шао Цзюсяо и плакать и смеяться был готов. Придержав Фэй Цзиня за плечи, он произнес:

— Никакой это не оборотень, и на меня он не просто походит. Тот, кого ты видишь — это я и есть.

Взяв кристалл из его рук, он зашел к Фэй Цзиню со спины, приподнял камень перед его очами и велел оглядеться по сторонам:

— Твои глаза с детства поражены недугом, не так ли? Ты никогда не видел настоящего мира? В этом мире бесчисленное множество красот, и хотя смотреть на цветы сквозь туман — это изысканное занятие, всё же жаль. Этот кристалл Яньцзин не творит чудес, но с его помощью ты сможешь увидеть мир во всей его ясности. Тебе это по душе?

Фэй Цзинь впервые в жизни видел столь отчетливо.

Пусть жемчужина была невелика и вбирала в себя лишь малую долю пространства, но стоило поднести ее к глазам — и он отчетливо различал чайники, что кружились в пиале на столе; ветви ивы за окном, который колыхал налетающий ветер; чернильные горы да воды, что были выписаны на пологие ложа, и даже те самые неровные волоски на бровях Шао Цзюсяо.

До чего же хорошо! Радость его была велика.

Такая же великая радость, как в тот день, когда учитель перед уходом с горы наконец передал ему родовое великое оружие.

Молодой воин со всей бережностью сжал кристалл Яньцзин в кулаке, обернулся к Шао Цзюсяо и сказал:

— До чего же красивая! Сяо Хун, у тебя такая светлая душа. — И пусть слова были те же самые, что и миг назад, но в этот раз прозвучали они куда веселее. Отказываться от дара он не

стал, лишь со всей серьезностью ухватил Ночного Демона за руку и изрек:

— Вот как стану «врагом всей поднебесной», у меня тогда тоже объявится ворох редкостных безделиц, и я их все тебе отдам.

Шао Цзюсяо с улыбкой кивнул. Пусть он никогда не принимал ответных даров от красавиц, но и перечить людям в глаза у него привычки не водилось.

Впрочем... С чего этот парень взял, что стать «врагом всей поднебесной» — дело решенное?

— Господин Шао, вам не доводилось встречать Фэй... Прошу прощения, я снова некстати.

Обошедшая все Саньфэньу в поисках слепца и вконец запыхавшаяся воительница Шуцин вновь распахнула дверь гостевых покоев и в очередной раз узрела картину: двое крепких мужчин держатся за руки и с безграничной нежностью смотрят друг на друга. От этого зрелища она невольно подумала, не сглазил ли ее кто в последнее время.

Ячмень выскочит, точно на обоих глазах выскочит!

Она с грохотом прихлопнула дверь, прижалась к ней спиной с той стороны и с великим трудом выдавила:

— Почтенные гости! Разумеется, это ваше личное дело, но нельзя ли не заниматься подобным среди дня в покоях нашего ордена... Кхм, короче говоря, держите себя в руках!

Да только Фэй Цзинь намеков не понимал. Он просто крутил жемчужину в пальцах, разглядывая ее со всех сторон. Впервые за двадцать лет обретя способность ясно видеть окружающее, он жаждал исследовать и потрогать каждую вещь. Шао Цзюсяо же и бровью не повел. Усевшись поудобнее, он самым благонаправным тоном крикнул за дверь:

— Воительница Шуцин, вы все превратно поняли. Мы лишь напали на верный след, посему милости просим войти.

Как только он договорил, дверь вновь с треском распахнулась и Шуцин вихрем влетела в покои:

— Вы нашли убийцу, что убил старшую сестру?

— Лишь малые крохи прояснились. Хотелось бы попросить у вас: не поведаете ли, где именно находятся покои учениц вашего ордена? Особенно интересуют те, кто рангом пониже.

— Те, кто рангом пониже? Да как они могли со свету старшую сестру убить?

Шао Цзюсяо размышлял: «Кто знает, что больше потрясет мир — то, что младшая ученица Чу Цзы оказалась способна на такое, или то, что её собственный отец оказался способен на подобное?» Но пока не было доказательств, все эти предположения оставались лишь домыслами.

Шао Цзюсяо успокоил Шуцин, выяснил у неё, где находятся домики младших учениц, и решил взять с собой Фэй Цзиня, чтобы вдвоём заняться воровством.

Конечно, было бы проще выбить шкатулку прямо у Юнь Цинцин, но эта девушка была не вполне надёжна, к тому же в Саньфэньу хватало глаз и ушей — легко было спугнуть подозреваемого. Узнай об этом Ван Чаоши — не миновать беды.

— Ах да, воительница Шучин, где у вас в ордене место, где стирают одежду? — Напоследок, провожая девуцу, вдруг полюбопытствовал Шао Цзюсяо.

Шучин вновь окинула его полным подозрения взглядом:

— Зачем вам это?

— Моя одежда немного износилась, и я хочу её постирать, — ответил он.

— С чего вдруг гостям самим заниматься стиркой? Отдайте это прислуге, они справятся лучше, — предложила Шучин.

— Это другое дело, воительница Шучин. У меня есть небольшая страсть — я люблю стирать одежду. Если в день не постирать хотя бы рубашку, на душе покоя нет, — сказал Шао Цзюсяо с честным лицом, но в его глазах, похожих на глаза феникса, читалась лукавость, которая выдавала его.

Шучин фыркнула:

— Что-то вчера вы стиркой не промышляли.

— ...Оттого ныне телом и маюсь.

Еле-еле выставив Шучин за ворота, Шао Цзюсяо обернулся и к вящему изумлению приметил, что Фэй Цзинь вовсю стягивает с себя рубаху:

— Воин Фэй, ты это к чему? Неужели понял мою задумку?

Фэй Цзинь с искренней теплотой произнес:

— Ты говорил, что из-за стирки тебе на душе тяжело. Сяо Хун, какой же ты странный — вчера ничего не сказал, это не к добру. Возьми мою одежду, если своих мало, постирай, мне не жалко.

«Слава небесам, тебе не жалко, а мне тошно». Шао Цзюсяо, который сам себе устроил неприятности, приложил руку ко лбу:

— Благодарю, воин Фэй, но я просто пошутил с госпожой Шучин. Одевайся быстрее — придёт время, и тебе действительно придётся снять одежду.

— А?

Вскоре Фэй Цзинь понял, почему Сяо Хун говорил о времени, когда придётся жертвовать одеждой. Прежде чем отправиться на поиски ларца в покои Юнь Цинцин, они сперва пробрались к сушилам подле прачечной и принялись воровать девичьи халаты.

А всё потому, что доблестный Шао рассудил здраво: их собственная одежда слишком заметная и странная, незаметно не пройдёшь. А вот если переодеться в девушек, куда легче будет находиться возле домиков учениц.

Прошло время, за которое успевает прогореть палочка благовоний, и вот Шао Цзюсяо с Фэй Цзинем, одетые в чужие розовые юбки, которые совсем не подходили им по росту, растерянно разглядывали друг друга.

...Что тут скажешь: девушки в ордене все были миниатюрными, а эти двое выросли на удивление высокими. Даже самые большие халаты, которые они смогли украсть, сидели на них плохо: ладно бы просто руки и ноги торчали наружу, но в туфли они вообще не влезли.

Такие «ученицы», которые прилюдно разгуливали босиком и в коротких юбках, вызывали гораздо больше подозрений, чем когда они были одеты как обычно.

Поэтому благородный Шао, тщательно все обдумав, отказался от идеи переодевания в женщин и облачил их вместе с Фэй Цзинем в простые рабочие платья. Они, опустив головы, пошли по тропе: Шао Цзюся вел слепого, прокладывая путь впереди.

Подворье Саньфэньу простиралось на огромные расстояния, и после безвременной утраты Чу Цзы все жители испытывали глубокий ужас. Из-за этого на тропинках почти не было прохожих.

Домики внутренних учениц стояли порознь, разделенные на три края согласно их почету. Тех, у кого на прическе красовалось пять цветков и более, селили у самой кромки озера, где виды открывались дивные. Те, у кого было от двух до четырех цветков, обитали долей скромнее. А вот девицам ранга «одного цветка» пришлось солоно — их домики задвинули в самую глухую да холодную глушь, чуть ли не подле поленницы.

При таком делении, будь младших учениц изрядное множество, они непременно подняли бы ропот. Да только в последние годы всяк новоприбывший быстро сподоблялся заслужить новые цветки, и лишь Юнь Цинцин долгое время находилась на одном-единственном ранге, отчего до ее нужд никому дела не было.

Это изрядно подсобило Фэй Цзиню с Шао Цзюся в поисках ее жилья.

Шао Цзюся сначала хотел выманить хозяйку из дома, а потом уже забрать шкатулку, но Юнь Цинцин в доме не оказалось. Её жилище было таким унылым и сырым, что там совсем не было света — настоящий склеп, куда мрачнее того зала, где гроб с телом Чу Цзы покоился. Едва они вознамерились проскользнуть внутрь сквозь ставни, как до слуха их донеслись прерывистые, тихие рыдания.

Видимо, плакала девица — голос исходил тонкий, пронзительный, точь-в-точь как у той, кого за горло держат. Эти жуткие всхлипы, подхваченные сырым ветром, кружили у них над ушами, будто стоны обиженных призраков, поднявшихся из мира мёртвых, и от них у любого слушателя кожа покрывалась мурашками.

Фэй Цзинь сглотнул слюну и едва слышно прошептал:

— Сяо Хун, а ты чувствуешь, какой запах отсюда идёт?

— Какой запах? — Спросил Шао Цзюся. Юноша шептал ему в самое ухо, теплое и влажное дыхание туманило разум, так что даже зловещий плач вроде как поутих.

Однако Фэй Цзинь не заметил, что творится в чужих мыслях, и осторожно произнёс:

— Этот запах напоминает что-то сожжённое. В прошлом мой наставник каждый раз во время праздника Цинмин3 сжигал бумажные деньги в память об умерших друзьях, и от этого тоже исходил такой же аромат.

Шао Цзюсяо обомлел. Тут уж было не до нежных утех: вслед за речами юноши он и сам уловил этот причудливый запах гари, который обычно стелется, если провожают кого в мир иной или оттуда весточку ждут.

— Слышишь плач? Мне кажется, он из-за поленницы доносится.

— Хм. Пойдем поглядим.

Он подал Фэй Цзиню знак глазами, но вовремя вспомнил, что тот слеп, и поспешно сжал его ладонь. Что это было — настоящие духи или кто-то притворялся? Раз уж они оказались здесь, пройти мимо было бы невежливо.

Фэй Цзинь задумчиво кивнул, поразмыслил немного и достал из-за пазухи кристалл Яньцзин, который прятал под рубашкой. Он решил внимательно рассмотреть, как выглядит этот женский дух.

Примечания переводчика:

1. 倚勢 (Ши цян лин жо): Полагаться на силу, чтобы обижать слабых. Означает использование своего превосходства ради притеснения тех, кто не может дать отпор.
2. Двенадцать страж (十二时辰 - Ши-эр шичэнь): Традиционная китайская система исчисления времени, где сутки делятся на 12 двухчасовых интервалов (страж), названных в честь знаков земных ветвей (животных китайского зодиака).
3. 盂兰 (Цинминцзе): Праздник Чистого света (День поминовения усопших). Традиционный китайский праздник, во время которого принято посещать могилы предков, приводить их в порядок и сжигать ритуальные бумажные деньги (жертвенную бумагу) для обеспечения покойных благами в загробном мире.

<http://bllate.org/book/17303/1933696>